

На глубине восьми тысяч чжанов под землёй лежал Бесконечный ад Гуйсюя.

Подземное пламя вздымалось вверх, полыхая на миллионы ли. Среди бешеных чёрных огней высились башни высотой в тысячи чжанов, словно пожирающие небеса чудовища, чи за чи выгрызающие себе путь кверху.

Пепел падал, как снежинки. Засохшая ветка под тяжестью пепла тихо хрустнула и переломилась, от чего внизу вздрогнул совершенствующийся и, испуганно выхватив меч, вскинул его.

Идущий впереди совершенствующийся нахмурился и отругал его:

— Перестань дёргаться.

— В этом Бесконечном аду и правда не место людям, — смущённо пробормотал тот, пряча меч в ножны. — Су Ханьшэн тогда потерял совершенствование, и всё равно умудрился протянуть здесь десять лет? Эти светлячки и вправду смогут выследить его?

Бесчисленные светлячки, кружась, собирались в один мерцающий сгусток и зловещеплыли вперёд.

Кто-то усмехнулся:

— Всё-таки сын Бессмертного Владыки.

— Какой ещё сын Бессмертного Владыки? — добавил другой. — В своё время он устроил резню в собственной секте, перебил даже соучеников... Во время трагедии на празднике Вэньдао его четвёртый старший брат, Сюй Наньсянь, разве не погиб, защищая его? Тело так и не нашли.

— Такому злокозненному, приносящему бедствия человеку самое место в Бесконечном аду. Там бы ему и сидеть вечно...

Не успел он договорить, как в него ударил поток ци меча, ледяной до костей.

Совершенствующийся в спешке вскинул меч, заслоняясь.

Звяк!

Совершенствующийся взревел:

— Ци Цзянь! Да как ты смеешь!

Шедший позади мужчина с холодным, суровым лицом, с ещё не рассеявшимся намерением меча в глазах зло сверкнул взглядом.

— Мусор. Заткнись.

Никому в отряде никогда не нравилась высокомерная манера этого молодого господина, и люди не удержались от колких насмешек:

— Разве молодой господин Ци сам не питает отвращения к молодому владыке Су из-за навязанного семьями брачного договора? Если не ошибаюсь, ты тоже приложил руку к тому, чтобы отправить Су Ханьшэна в Бесконечный ад.

Взгляд Ци Цзяньи потемнел, он до побелевших суставов сжал рукоять меча.

— Все заткнитесь, — ведущий совершенствующийся холодно оборвал спор. — Когда все живые существа в трёх мирах под угрозой, вам ещё есть время переругиваться?

Все разом умолкли.

Светлячки долетели до бескрайнего высохшего леса: сотни и тысячи деревьев тянулись к небу. Под висевшей кроваво-красной луной на сухих стволах смутно виднелись странные огромные «листья».

Приглядевшись, все разом побледнели.

В зелёном сиянии светлячков и в свете кровавой луны этими «листьями» оказались окровавленные трупы.

Более впечатлительные совершенствующиеся в панике отпрянули назад, зажав рты, чтобы их не вырвало.

Ещё страшнее было то, что выслеживающие светлячки слетелись к одному определённом трупу, облепив его, как мухи кровь.

Все были ошеломлены.

Неужели Су Ханьшэн... умер?

Лицо Ци Цзяньи переменилось, он быстро шагнул вперёд и дрожащими руками откинул с лица трупа окровавленные волосы.

Под ними оказался не Су Ханьшэн.

Но светлячки продолжали кружить и плясать вокруг гниющего тела.

Пока все недоумевали, давно мёртвый труп вдруг открыл глаза, шевельнул губами и хрипло, пронзительно произнёс:

— Почтенные гости, явившиеся в Бесконечный ад, по какому делу вы пришли?

В ту же секунду сотни трупов вокруг разом открыли зловещие мёртвые глаза. Вздувшиеся глазницы, скрипя шеями, синхронно повернулись к людям, и все они эхом повторили:

— ...По какому делу вы пришли?

Зрелище было слишком жутким. У присутствующих волосы встали дыбом, и все разом выхватили духовные мечи.

Этот труп был не Су Ханьшэном, но светлячки-ищейки не могли ошибаться.

...Значит, всё это отвратительные проделки демонического еретика Су Ханьшэна.

— Молодой владыка Су, — ведущий совершенствующийся не опускал меч, лишь вежливо, для вида, поклонился. — ...Гора Бучжоу рухнула, все существа трёх миров страдают. Мы надеемся, что ты отдашь священную реликвию Небесного Дао, чтобы восстановить Башню, достигающую Небес, и спасти людей от бедствия.

Светлячки взвились вихрем, собравшись в шар зелёного света, и, словно хищники, метнулись к другому трупу.

Челюсть почти скелетированного трупа щёлкнула.

— Небесное Дао ясно. Обрушение горы Бучжоу ко мне отношения не имеет.

Следуя за светлячками, совершенствующийся холодно сказал:

— Священная реликвия Небесного Дао рождена, чтобы удерживать гору Бучжоу и спасти всех живых.

Светлячки снова сорвались с места, трепеща надломленными крылышками.

— Ха-ха, до чего же смешно. Неужели священная реликвия, возвращённая осквернённой кровью грешника, низвергнутого в Бесконечный ад, действительно сможет спасти всех существ?

Призрачный Су Ханьшэн успел сменить три трупа за три реплики, заставляя всех носиться за ним, словно собак на поводке.

Совершенствующийся наконец разъярился:

— Бессмертный Владыка Сюаньлинь был праведен и милосерден, пал на горе Бучжоу, спасая народ. А ты, его сын, ради своих корыстных желаний готов спокойно смотреть, как под небесами гибнут все живые?

Светлячки, облепившие труп, наконец рассеялись, с шорохом перелетели через сухие ветви, за кровавую луну и беззвучно опустились в десяти чжанах впереди.

Один-единственный светлячок с красным шлейфом позади, трепеща крыльями, опустился на чётко очерченные пальцы.

Все обернулись на звук и разом оцепенели.

Окружённый роем светлячков, Су Ханьшэн стоял, высокий и тонкий, словно журавль, в чёрном журавлином плаще, сидевшем на нём не по размеру. Его свободно распушенные, чёрные как тушь волосы струились, как извилистые водные жилы, кончики касались земли и вспыхивали в пламени странным кровавым светом.

Ци Цзяньи застыл как громом поражённый.

Прошло десять лет, а Су Ханьшэн выглядел точь-в-точь так же, как в юности.

Под небом, залитым светом сотен светлячков, Су Ханьшэн лениво разглядывал светлячка на кончике пальца. Его голос звучал вяло и небрежно:

— Почему бы и нет?

Трупы с не смыкающимися глазами разом уставились на Су Ханьшэна. Из семи отверстий на их лицах потекла кровь, мертвенно-серые лица напряглись, словно в последнюю предсмертную судорогу, и, разинув рты, они хором завывали резкими, неприятными голосами:

— Феникс...

— Священная реликвия Небесного Дао!

— ...Священная реликвия «Кость Феникса»!

Су Ханьшэн щёлкнул пальцем, отшвырнув светлячка.

Он приподнял взгляд, а в янтарных, похожих на раскалённые угли глазах скользнула лёгкая улыбка.

— Священная реликвия «Кость Феникса» у меня. Хотите — приходите и забирайте.

— Раз молодой владыка столь упорствует и не раскаивается, — холодно произнёс совершенствующийся, — нам остаётся лишь проявить неуважение.

Лицо Ци Цзяньи потемнело. После долгой паузы он поднял руку, и из его рукавов во все восемь сторон вырвались полосы замороженного света с длинными хвостами.

Звяк!

Убийственное построение переплелось с чёрным пламенем, бушующим под ногами, приняв зловещий вид и заалев кровавым светом.

Су Ханьшэн рассмеялся.

Он лучше всех знал лицемерную праведность своего обручённого, но лишь со скучающим видом наблюдал за происходящим, не вмешиваясь.

Даже если бы они не пришли, он всё равно не пережил бы этот день.

Для Су Ханьшэна «Кость Феникса», дарованная Небесным Дао, была не благословением, а кандалами, причиняющими нестерпимую боль, от которых нельзя избавиться.

Когда «Кость Феникса» начинала пылать, в лёгком приступе она лишь обжигала меридианы, но в тяжёлом могла сжечь его дотла.

Бесконечные муки.

Эту муку, хуже смерти, он терпел десятилетиями.

Только...

Вдруг сверху обрушился жезл подавления демонов, с грохотом вонзившись в центр построения и в одно мгновение разрушив сложный, громоздкий боевой узор.

Лицо Ци Цзяньи похолодело, он резко обернулся.

Кто-то разрушил его формацию убийства?!

Снизу поднялся порывистый ветер, чёрный журавлиный плащ Су Ханьшэна яростно

затрепетал, едва не соскользнув с плеч. Со стороны протянулась стройная рука и аккуратно поправила ему плащ.

Внезапно появившийся мужчина был высок и статен. Большую часть его лица от бровей до кончика носа закрывала окровавленная чёрная повязка, оставляя открытыми только тонкие губы.

Зелёная нефритовая подвеска на поясе Су Ханьшэна вдруг слабо вспыхнула.

— Зачем ты пришёл? — без особого интереса спросил Су Ханьшэн.

Когда «Кость Феникса» вспыхивала, не существовало никакого средства, чтобы её усмирить, за исключением стоящего перед ним человека. Стоило тому приблизиться, как огонь в кости мгновенно утихал.

Так же, как сейчас.

Едва эта рука коснулась плеча Су Ханьшэна, бурлящий в его теле огонь «Кости Феникса» беззвучно стих.

Чунцзюэ «взглянул» на разбитую формацию. Он чуть приподнял руку, широкие рукава взметнулись в ветре, налетевшем словно из ниоткуда, и на костлявом запястье на миг проступила тень чётков, тут же исчезнув.

В следующий миг ржавый жезл подавления демонов сам взмыл ему в ладонь.

Сухие, чётко очерченные пальцы чуть сжались, вливая в даосское оружие бурлящие духовные силы. Чёрные одежды Чунцзюэ наполнились яростным ветром, а на трёхгранных головах Будд проступили свирепые, оскаленные лица.

Все потрясённо уставились на него:

— Ты кто?!

Жезл подавления демонов добавлял Чунцзюэ несколько степеней сострадательной буддийской благодати, но его дикая, кровожадная аура, смешавшись с клубами чёрно-красного тумана, превращала его в демона, жаждущего крови.

— Восемь тысяч чжанов под землёй, Бесконечный ад Гуйсюя... Прекрасное место для упокоения, — Чунцзюэ усмехнулся. — Раз уж вы все сюда явились, оставайтесь. Спите здесь вечно.

Совершенствующийся стадии Преображения духа с наивысшим среди них уровнем в ужасе отпрянул, едва выдерживая сокрушающее боевое намерение Чунцзюэ.

— Отходим! — выкрикнул он.

Отходить было некуда.

Злобная ци, словно плывущий дракон, разлилась по небу и земле. Совершенствующийся стадии Преображения духа не выдержал и одного удара под рукой Чунцзюэ. Духовная сила обрушивалась одна за другой, вспарывая воздух вспышками кровавого тумана.

Горячий ветер, несущий запах крови, пронёсся над ними. Чёрная повязка на лице Чунцзюэ затрепетала, и в просвете мелькнул невыразимо красивый профиль. На его лбу мерцала тонкая красная отметина...

И пара мертвенно-белых зрачков.

Совершенствующийся успел только мельком увидеть лицо под чёрной тканью и тут же отпрянул в ужасе.

— Не может быть! Ты же с горы Сумеру... А-а-а!

Су Ханьшэн бесстрастно наблюдал, как Чунцзюэ громит врагов.

Между ним и Чунцзюэ не было настоящей привязанности.

Даже то, что слепой держал его в запретном дворце и бесконечно использовал, было всего лишь способом выжить в Бесконечном аду.

Здесь не было чувств — только взаимная похоть.

Су Ханьшэн лишь не мог понять.

Они же ясно использовали друг друга как инструменты. С чего бы Чунцзюэ его спасать?

Неужели десятилетия плотской близости способны породить искреннее чувство?

Нелепость.

Су Ханьшэн вдруг рассмеялся.

Он откинул журавлиный плащ. Зелёный нефрит на его поясе качнулся, а из-под колен медленно поползли в землю странные корни.

Су Ханьшэн словно превратился в дерево: корни проросли по его меридианам и духовным костям, отчаянно всасывая жизненную силу. В одно мгновение земля вокруг покрылась клубящимися корнями, расползающимися во все стороны.

Высохший лес ожил, превращаясь в исполинские деревья.

Чёрные волосы Су Ханьшэна метались в порывистом ветре. Жизненные силы стремительно покидали его. Тёмные на глазах пряди поседел и стали белыми, как снег.

Жезл подавления демонов сокрушил последнюю защитную форму Ци Цзяньи и швырнул его в обугленную землю.

Ци Цзяньи, в полном беспорядке, с трудом поднялся. Только он собрался вновь рвануться вперёд, как заметил, что из земли медленно выползает узловатая сухая ветвь, тянущаяся к нему, словно кровососущий змей.

Похоже, что-то осознав, он побледнел до меловой белизны и, задыхаясь, бросился вперёд.

— Ханьшэн!

Духовная сила жезла прошила воздух. Неодолимая духовная мощь Чунцзюэ собралась в один удар и прямо пробила внутренние органы Ци Цзяньи. Кровь фонтаном брызнула из его рта.

Будучи смертельно раненым и почти при смерти, Ци Цзяньи всё равно с усилием поднял голову в сторону Су Ханьшэна.

Вокруг уже всё заполнили густые, кривые ветви.

Чунцзюэ вернул себе жезл подавления демонов. Его брови едва заметно дрогнули, и зловещая духовная сила прочертила прямую дорогу к Су Ханьшэну.

Су Ханьшэн склонял голову. Его руки были высоко стянуты извивающимися лозами, словно пойманная в сети птица. Несколько сухих ветвей, похожих на когти, сжимались вокруг него в защитном «объятии».

Огромное дерево полностью высосало жизненные силы Су Ханьшэна. Из его худого тела без конца прорастали тонкие сухие лозы, но одна ветка, выросшая из сердца, отличалась от обычной мёртвой древесины.

Это была сочная, зелёная ветвь фениксового цветка.

Услышав шаги, Су Ханьшэн чуть приподнял взгляд. Длинные, уже почти слившиеся с ветвями белые волосы свисали каскадами, как густая паутина.

Он тихо рассмеялся, едва шевеля губами:

— Разве ты не хотел «Кость Феникса»?

Жезл подавления демонов в руке Чунцзюэ глухо опустился на землю.

Чёрная ткань на его лице взметнулась ветром. Казалось, мертвенно-белые зрачки обрели зрение и прямо уставились на Су Ханьшэна, губы дрогнули, будто он хотел что-то сказать.

— Я...

Духовная сила «Кости Феникса» по корням, опутавшим половину Бесконечного ада, докатилась до святилищ Чунсяо. От «стука» священной реликвии врата мира Чунсяо, запечатанные тысячи лет, наконец распахнулись.

Чёрное небо прорезал луч, как косой свет в глубоком колодце, указывающий дорогу.

— Я открываю тебе врата мира Чунсяо.

Су Ханьшэн опустил взгляд. Из его ушной раковины проросли нежные зелёные побеги. Когда пять чувств окончательно угасли, он оставил последние слова:

— Вернись в мир смертных.

Стоило ему договорить, как последние крохи жизненной силы в его теле были полностью высосаны сухими ветвями. В предсмертную секунду, прежде чем сознание погасло, ему почудилось, что кто-то отчаянно прижимает его к себе изо всех сил.

— Су Сяосяо!

Оставшаяся в теле «Кость Феникса» наконец полностью вырвалась из-под подавления своего хозяина и вспыхнула оранжево-красным пламенем, словно феникс, рождённый из крови, расправивший крылья шириной в сотни чжанов и взмывший к святилищам Чунсяо.

Повсюду, где она пролетала, даже статуи Будд рушились в пыль.

Четырнадцатый день восьмого месяца. Луна светит, как днём.

Стояла жара в самом разгаре, душный зной не спадал, и даже в полночь цикады надсадно стрекотали в темноте.

Сад Ханьман у холодного пруда был единственным местом, где царила зимняя прохлада. Ветви слив, переросшие стену, цвели гроздьями белых, словно припорошенных снегом цветов.

Невысокий подросток в одежде с узором сорок, несущих в клюве веточки, взволнованно мерил шагами пространство перед воротами. В пляшущем свете лампы его ноги отбрасывали на землю длинные косые тени.

Вскоре по ступеням горы послышались торопливые шаги.

Подросток радостно вскинул голову:

— Четвёртый Дядюшка! Наконец-то вы пришли!

Тот, кого назвали Четвёртым Дядюшкой, — Сюй Наньсянь — выглядел крайне раздражённым:

— Я тут просто мимо проходил. Что, молодой владыка наконец образумился и решил извиниться передо мной?

— Э-э... — смущённо протянул Чанкун. — Не совсем.

Сюй Наньсянь закатил глаза, развернулся и с раздражённым взмахом рукавов собрался уйти.

— Четвёртый Дядюшка, не уходите! — Чанкун в панике перегородил ему дорогу. — После ссоры с вами днём молодой владыка всё время сидит у холодного пруда и размышляет. Наверняка он понял, что сказал лишнего.

— Чушь, — без пощады оборвал его Сюй Наньсянь. — Да он и слова такого не знает — «размышлять». Наверняка просто взбесился, потопал и поорал на меня, пока не выдохся, а потом вернулся.

Чанкун поперхнулся.

Сюй Наньсянь, чем больше вспоминал, тем сильнее заводился.

— В Академию Вэньдао, самую лучшую, идти не хочет. Упёрся и решил поступать за тем... как его там, за этим сопляком Ци Цзяньи в эту развалюху, Академию Ханьшань. Что такого, что я пару раз его отругал?!

— Вы его не только отругали, — шёпотом напомнил Чанкун, — вы ещё и ранили молодого господина Ци. Вот молодой владыка и...

— Убить его надо было! — взорвался Сюй Наньсянь. — Если бы не его хитрые уловки, твой драгоценный молодой владыка не был бы настолько слеп и глуп! Академия Ханьшань кое-как втиснулась в первую тройку рейтинга Гуаньтао, а наша Академия Вэньдао двадцать лет подряд — первая. Первая! Слышал такое?!

Чанкун поспешно стал его успокаивать:

— Четвёртый Дядюшка, не злитесь. Молодой владыка с детства почти не покидал дом, он, наверное, плохо разбирается в рейтинге Гуаньтао. Вы ему спокойно объясните...

— У меня есть время спокойно объяснять? — холодно оборвал его Сюй Наньсянь. — Когда я сегодня приехал, этот забывший, что такое совесть, уже поставил свой жизненный нефритовый знак на табличку зачисления Академии Ханьшань.

...Поэтому Сюй Наньсянь сразу же выхватил меч и одним ударом раскрошил табличку Академии Ханьшань.

Остаточная мощь его удара тяжело ранила Ци Цзяньи, заставив того выплюнуть кровь. Только после этого Сюй Наньсянь с удовлетворением убрал меч в ножны.

Су Ханьшэн редко покидал сад Ханьман из-за тяжёлого отравления. Несколько старших братьев и сестёр, кроме Сюй Наньсяня, уже обзавелись собственными сектами. Лишь Ци Цзяньи изредка навещался в секту Инсюй, чтобы составить ему компанию.

Тронуть сердце доверчивого молодого владыки было проще простого, особенно когда речь шла о брачном договоре, заключённом старшими.

Увидев раненого Ци Цзяньи, Су Ханьшэн тут же взбунтовался и жестоко поссорился с Сюй Наньсянем.

— Мне кажется, — растерянно проговорил Чанкун, — у молодого господина Ци вроде бы и правда есть искренние чувства к молодому владыке.

— Искренние чувства, как же, — презрительно фыркнул Сюй Наньсянь. — Ни капли любовного интереса он к нему не питает. Просто ваш тупица этого не видит.

Выложив всё, что думал, Сюй Наньсянь уже собирался уйти, пока Су Ханьшэн не вышел спорить.

Этот мелкий наглец языком остёр и спорить с ним — себе дороже, всё равно не переспоришь.

— Четвёртый Дядюшка! — Чанкун опять бросился ему наперерез. — Я правда по делу. У спутника-духа молодого владыки начались странности.

Сюй Наньсянь уже измотался до предела, но, услышав «спутник-дух» и «странности», резко посерьёзнул.

— Правда?

— Абсолютно!

У рода Су была особая кровь — вместе с ними с рождения жил «спутник-дух».

Спутником Су Ханьшэна было духовное дерево, чья корневая система срасталась с душой хозяина. Если с духом-спутником происходило неладное, хозяин непременно оказывался при смерти.

— Почему ты не сказал сразу?!

Сюй Наньсянь тут же забыл о ссоре с Су Ханьшэном. Лицо посуровело, он одним ударом распахнул наглухо закрытые двери.

Но проход ему перегородили сплетённые слоями лозы. Не ожидав такого, Сюй Наньсянь чуть себе ногу не сломал.

Сюй Наньсянь:

— ...

Сделав пару скачков на одной ноге, он позеленел от злости и злобно уставился на Чанкуна.

Чанкун:

— ...

Чанкун невозмутимо подумал: «Я с детства сирота, меня спас Бессмертный Владыка и взял в ученики, но вскоре Бессмертный Владыка Сюаньлинь погиб, оставив после себя только отравленного молодого владыку, запертого в саду Ханьман и не способного уйти далеко. Жизнь такая трагичная, ну прямо слёзы наворачиваются, ни у кого нет судьбы печальнее, чем у молодого владыки, надо бы заплакать».

Мысленно перебрав почти все трагедии своей жизни, Чанкун с трудом сдержал смех, чтобы Четвёртый Дядюшка не зарубил его на месте.

Запечатанный сад Ханьман вдруг издал громкий гул. Даже соседняя вершина задрожала, и по склону с грохотом покатались тяжёлые валуны.

Бум...

Огромное дерево-спутник над садом Ханьман, поднимавшееся так высоко, что заслоняло небо, словно перепугалось и издало неестественный жуткий визг.

Выражение лица Сюй Наньсяня переменялось. Он ударом духовной силы вгрызся в двери сада Ханьман и с разбега ворвался внутрь.

— Ханьшэн!

Сад Ханьман, обычно укрытый инеем, теперь был завален жёлтыми сухими листьями, словно заброшенный много лет дом с привидениями. Исполинское дерево в центре дрожало, как бы пережив смертельный ужас и всё ещё не придя в себя.

Чанкун ухаживал за Су Ханьшэном больше десяти лет, но впервые видел, чтобы дух-спутник вёл себя так. Маленькое лицо побелело от страха.

Заметив, как ствол дерева-спутника постепенно усыхает, Сюй Наньсянь сам побледнел до синевы и в панике бросился искать человека.

Вдруг — всплеск.

В молчаливой, покрытой коркой льда чёрной воде пруда раздался звук разбивающейся поверхности, и оттуда вырвалась бледная рука, судорожно цепляющаяся за камни.

Не раздумывая, Сюй Наньсянь кинулся вперёд, схватил эту руку и изо всех сил вытащил тонущего.

— Су Ханьшэн!

Тело Су Ханьшэна трясло. Его одиночный халат с узором из бирюзовых облаков промок насквозь, слегка обрисовав худощавую, хрупкую фигуру юноши. Нахлебавшись воды, он полулежал на земле, тяжело дыша, а с длинных волос капала вода.

— Кхе-кхе...

Сюй Наньсянь сперва решил, что тот просто тонул, но, приглядевшись, заметил на лице Су Ханьшэна мертвенную чёрную тень. Он и испугался, и рассердился:

— Дурак! Как можно утонуть в таком мелком пруду?!

Су Ханьшэн всё ещё кашлял и не мог сразу ответить.

Чанкун, побелев, подбежал и накинул ему на плечи свой верхний халат:

— Молодой владыка!

Су Ханьшэн дрожал от холода, плечи тряслись. Лишь спустя какое-то время взгляд его прояснился.

Он озадаченно уставился на Сюй Наньсяня и Чанкуна перед собой, будто не веря глазам, и пробормотал:

— Четвёртый старший брат? Чан... кхе, кхе... Чанкун?

Убедившись, что тот цел, Сюй Наньсянь раздражённо хлопнул себя по лбу.

— Этот холодный пруд создан для подавления твоего яда, цепляющегося к костям. Ты что подумал, это горячий источник? Там воды по щиколотку, только ноги полоснуть, и ты хихитрил чуть не утонуть. Во всём мире только у тебя на такое «таланта» хватит...

Су Ханьшэн будто не слышал брани, ошеломлённо выдохнул:

— Вы живы...

Сюй Наньсянь рассвирепел ещё сильнее:

— Это ты меня похоронить хочешь, да? Я тебе сейчас...

Не успел он договорить, как Су Ханьшэн вдруг пошатнулся и рухнул ему в объятия, едва не сбив Сюй Наньсяня с ног.

— Старший брат...

— А, теперь, значит, признаёшь, что был неправ, а до этого ты...

Сюй Наньсянь недовольно сморщился, впился пальцами в мокрые волосы на затылке Су Ханьшэна и заставил его поднять голову. Ругательства застряли у него в горле.

Сюй Наньсянь вырастил этого бессердечного улюблюдка и ни разу в жизни не видел, чтобы он плакал.

Не притворялся, чтобы вызвать жалость, а по-настоящему. В его от природы холодных глазах, как вода, стекающая с карниза, одна за другой катились слёзы.

Сюй Наньсянь остолбенел.

Душа Су Ханьшэна была нестабильна. Он судорожно потянулся и дрожащими руками нащупал шею Сюй Наньсяня, затем сжал его лицо в ладонях, смеясь и плача вперемешку:

— Старший брат жив...

Ругаться у Сюй Наньсяня больше не получалось.

Он нахмурился, поднял руку и неуклюже стёр ему слёзы, голос впервые стал мягче обычного.

— Сяосяо, что случилось?

Дрожащий Су Ханьшэн вцепился в его одежды. Услышав знакомое детское прозвище, он вдруг разрыдался навзрыд.

<http://bllate.org/book/14988/1328283>